



"Когда Стивенсон был маленьким мальчиком, он как-то сказал: 'Мама, я нарисовал человека. Душу тоже рисовать?'"
Гилберт К.Честертон

Вначале, как известно, было Слово. Известность пришла к Резо Габриадзе благодаря его писательскому слову. Фильмы по его сценариям были весьма успешны, но ему, вероятно, этого оказалось мало. Он захотел сам сотворить мир. И создал Тбилисский театр марионеток, где его пьесы в его же режиссуре разыгрывали созданные им же персонажи. Ибо он был и художником своих спектаклей. А что может быть более ав-

торским, чем театр кукол, где художник предлагает актеру-кукловоду нафантазированные и вылепленные им лица, Облики. Характеристики написанной им пьесы? Актеров Тбилис-

раз вполне узнаваема: непредсказуемая смесь пронзительных бытовых деталей, философских диалогов, фантазий, предсмертных видений, смешного и печального. Здесь на равных существуют муравей и Сталин, немецкий генерал и лошадь, старый еврей и ангел. И все это свободно, "на живую нитку", соединено одно с другим. Открытая драматургия: кажется, что в эту пьесу можно включить еще множество эпизодов, а вот вынуть нельзя ни одного. Потому что эта нитка очень живая и очень прочная. Сплетена она любовью, добротой и мастерством.

Свободное дыхание, импровизационная атмосфера спектаклей Габриадзе, сложнейшие контрапункты

Рукотворное

слова, музыки, пластики настолько обаятельны, что делают как бы безукладным, грубо утилитарным разговор о его мастерстве. А попробуй-ка построй контрапункт без оног! Так вот, пришла пора сказать, что Резо — хитрый и изощренный мастер кукольного театра. И не только его. Может быть, дело в том, что он не выученный кем-то кукольник, а художник, избравший именно этот театр, как наиболее полную, всеобъемлющую форму выражения своего отношения к миру и своих отношений с миром.

Каждый, кто суть мастерства Резо Габриадзе как кукольника в том, что он свободно играет всеми возможными и невозможными способами, разительно с помощью средств миниатюры кукол, что он не скован приверженностью

Вокруг "мастера" по мелкому ремеслу Пилхаса куча крошечных, но

Тот же принцип, та же рука и в куклах. Резо сочиняет их, рисует, лепит из пластилина, передает мастерам, вместе они доводят, одевают, доставая из заветного сундука лоскуты старых и старинных тканей. Добиваются выразительности пластического объекта, самости и ансамбля. Среди мастеров — давний со-

ратник Лука Гонашвили, московские и питерские умельцы, актеры, работающие в спектакле, и первый из них — Виктор Платонов. И в куклах что-то проработано подробно, что-то только намечено. Скульптура в странной смеси с живописью. И столь же странной симбиоз кукол разных пород: тростевых, марионеток, вырезанных из бумаги, как в детской книжке-раскладке (эпизод "Берлинское кафе"). И ничего,

ского театра марионеток, к слову сказать, создал тоже он. Из вчерашних школьников. От автора-режиссера-художника они получали своих персонажей и им оставалось только понять и оживить их. Понять их душу и вложить свою. И они замечательно делали это в "Альфреде и Биолетте", "Принцессе Трапезундской", "Осени нашей весны".

"Песня о Волге" — последняя премьера Р.Габриадзе — поставлена в другом театре с другими актерами, которые в полной мере умеют понимать и одушевлять. У них замечательные руки (и лица — тоже). Как ласково, как бережно и нежно ведут они кукол. Они тоже — рукотворцы. В черной униформе, почти сливаются с черным же фоном сцены, только лица в полумраке и руки в темных перчатках. И единственный раз...

Маленький эпизод "В детской". Пустая детская, крошечная кровать, малюсенький стол. И обнаженные (иначе не скажешь) руки актрисы, кажущиеся огромными рядом с этими вещами, моют пол соразмерной с ними крохотной тряпочкой. Звучит песня военных лет "Темная ночь", по заснеженной степи блуждает, освещая снег фарами, совсем уже маленький грузовичок, стремящийся к этому дому. Вот он добрался до него наконец, остановился, погасил фары, тихо-тихо въехал в комнату и, вздохнув, затаил у детской кровати.

Странную пьесу написал Резо Габриадзе. Впрочем, какая из его пьес не странна? Эта — о войне, о Сталинграде. С плакатным названием "Песня о Волге". Пьесен в спектакле много, но ничего более антиплакатного и представить себе невозможно. Как вообще невозможно угадать, каким будет следующий спектакль этого автора. Хотя поэтика каждый

какой-то школе, направило и тому подобному. Он сам себе направление. Действительно, в "Песне о Волге" многое напоминает простые детские игры, когда обидная вещь превращается во

что-то совсем другое, оставаясь сама собой. К примеру, ставшее знаменитым ведро-поезд. Все очень просто: берется обыкновенное зеленое эмалированное

вполне узнаваемых вещей из той, довоенной жизни: "летучая мышь" (которая лампа), чайник, плотничик, электроплитка. Быт у Габриадзе постоянно оборачивается фантастикой (над верстаком Пилхаса абсолютно



вполне узнаваемых вещей из той, довоенной жизни: "летучая мышь" (которая лампа), чайник, плотничик, электроплитка. Быт у Габриадзе постоянно оборачивается фантастикой (над верстаком Пилхаса абсолютно



жи вместе, не сорвутся, помогут друг другу.

И еще Габриадзе очень вольно обращается с размерами. Или очень хитро играет масштабами. Грузовик у него может быть меньше детской кровати, а лошадь — меньше человека. Даже если это очень важная для спектакля лошадь, такая, как "работник сцены по транспорту" Алеша или его трудная любовь, звезда цирка Наташа. Но, может быть, именно потому, что Алеша так мал, так тощ и неприбран, ты видишь тонкие, подгибающиеся ноги, а воспринимаешь его измученность — жизнью, любовью, войной. И, конечно, автор наделил его не только обликом, но и потрясающими текстами. Чего стоит хотя бы его философский диалог с немецким генералом об исторической долготелости насилия. Кажущийся огромным по сравнению с Алешей генерал в конце концов задает ему удивительный, отнюдь не генеральский вопрос: "Как тебе во все времена удаётся быть жертвой?" И тихий ответ Алешы: "Смирение и недеяние".

Мир, сотворенный Резо Габриадзе, очень мал. И в этом мире он создает один из самых грандиозных образов Войны, которые видела на театре. Звучит тема нашествия из 7-й симфонии Шостаковича, и на сцену вползает полоса гибкого металла, на которой четкими линиями укреплены ряды крошечных немецких

каска. Нарастает звучание оркестра и все ползет и ползет эта страшная и бесконечная сила. Но вот металлическая лента с касками сворачивается, становится жутким катком, давящим все, что у него на пути. Длится это долго-долго. Вынести напряжение почти невозможно. А всего-то — полоска металла, ряды касок, музыка и свет. И все это происходит на площадке размером 70 x 220 сантиметров. Но Габриадзе великолепно знает разницу между размером и масштабом.

Весь спектакль "Песня о Волге" играет на площадке-столе, покрытом слоем белого, особым способом обработанного песка, который замечательно принимает свет, превращаясь в заснеженную степь, Волгу, кровавую пелену. Когда погибает очередной герой, рука кукловода тихо засыпает его песком. Но бывает и по-другому.

Умирает мальчик-солдат. Тельце его лежит под деревянными воротцами, нити от рук, ног, торса куклы привязаны к жердочке. Умирает солдат и его посещают видения. Вот его девушка (это она порхает над ним?), но

вместо слов любви он почему-то говорит о школе, о законе Лавуазье и формуле воды. Душа его отлетает (это она порхает вместе с привидевшейся невестой над ним, лежащим в степи под Сталинградом?). Умирает солдат. Руки кукловода оттягивают нити — одну, другую, наконец, — последнюю. Неподвижность. И душа уносится куда-то. Сталинград, смерть, закон Лавуазье, нити маленькой куклы. Этот странный конгломерат рождает свербящее чувство потери, тихую скорбь о невыросшем мальчике.

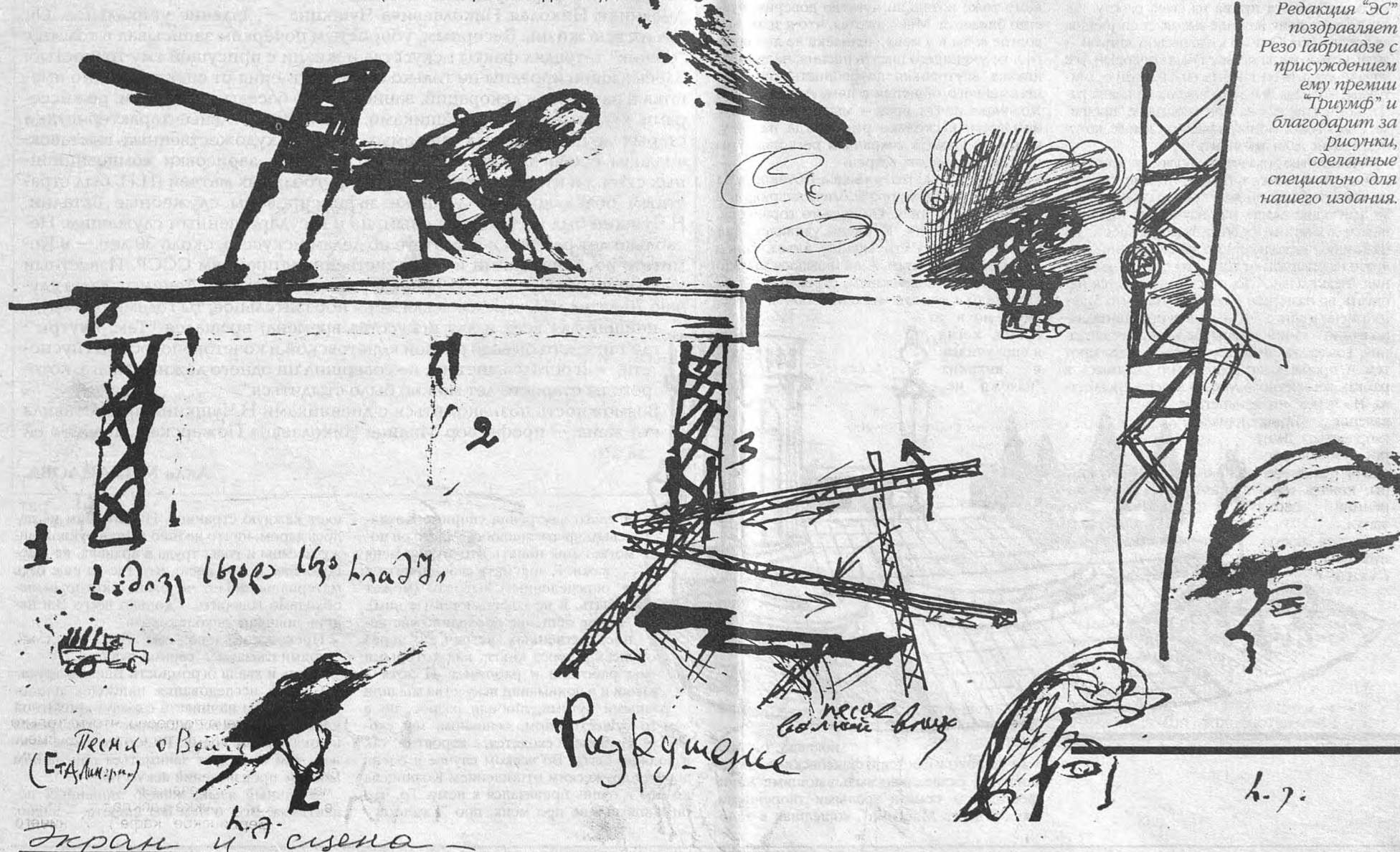
Так умирают в этом спектакле. Но бывает и по-другому. Может спуститься ангел с небес и унести туда душу. А может из белого-белого снега подняться белая лестница и по ней будет восходить на небо крошечная муравьиная дочка. Тоже — жертва. И будет плач муравьиных-мам: "Господи,

кто же тише нас по земле ходил". А все равно — раздавили.

Одним из зрителей "Песни о Волге", когда спектакль играли во Франции, был Питер Брук. Он писал потом И.Сарториусу, что для Габриадзе оказалось возможным слить воедино слова, жесты, цвета, предметы и музыку для выражения нежности и сострадания. Он говорил там о "поэтичности и трансцендентности реализма этого художника, которым, я знаю, нет эквивалента".

Размеры созданного Резо Габриадзе мира — малы. Масштаб его — огромен.

Алла МИХАЙЛОВА.



Редакция "ЭС" поздравляет Резо Габриадзе с присуждением ему премии "Триумф" и благодарит за рисунки, сделанные специально для нашего издания.